

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

УДК 342.72/73

В.Н. АГЕЕВ

кандидат юридических наук, доцент

Набережночелнинский филиал

Института экономики управления и права (г. Казань)

К ВОПРОСУ ОБ ОСНОВАНИЯХ, ЦЕЛЯХ И ПРЕДЕЛАХ КОНСТИТУЦИОННОГО ОГРАНИЧЕНИЯ ОСНОВНЫХ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

Статья представляет собой закрепление научных результатов, полученных автором в ходе диссертационного исследования. Содержит характеристику оснований, целей и пределов конституционного ограничения основных прав и свобод человека и гражданина, анализ различных точек зрения по обозначенной проблематике.

Возможность ограничения прав и свобод личности, установление оснований, пределов такого ограничения являются наиболее актуальными аспектами проблематики регулирования, реализации и защиты закрепленных в Конституции Российской Федерации прав человека и гражданина. Надлежащее их решение имеет важное значение как для формирования теории прав человека в России, так и для развития государственно-правовой практики.

Не вызывает сомнений, что государство при решении возложенных на него обществом задач, связанных с обеспечением безопасности граждан и государства, защиты конституционного строя, вправе допускать определенные ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина. Подобные шаги есть цивилизованный способ регулирования меры свободы в обществе.

Природа конституционных ограничений кроется в признании прав человека естественными, с одной стороны, и признанием роли

государства как основного гаранта этих прав и одновременно основной угрозой этим правам – с другой. "Государство, – по мнению В.В. Гошуляк, – сохраняя свою относительную самостоятельность, становится регулятором интересов всей совокупности ... лиц, находящихся на данной территории. Именно оно должно заботиться об общем благе и не расширять его до таких пределов, за которыми начинаются прямые нарушения прав и свобод человека и гражданина со стороны государства" [1, с. 98].

В процессе реализации прав и свобод сталкиваются различные интересы: субъекта этих прав (свобод), других лиц, общества в целом, государства. В силу этого установление ограничений прав и свобод является объективной потребностью нормального функционирования общества, с одной стороны, и свободы личности – с другой. Цель ограничений – достижение компромисса между интересами человека и интересами общества, государства и других лиц. Ограничение направлено на дос-

тижение рационального, то есть адекватного баланса сталкивающихся конституционно-правовых ценностей.

Анализ конституционных норм дает возможность выделить общие (философско-правовые) основания ограничения прав и свобод.

Основание, согласно Толковому словарю русского языка С.И. Ожегова, – "причина, достаточный повод, оправдывающие что-либо" [2, с. 463].

С точки зрения философии, основание – это "необходимое условие, являющееся предпосылкой существования каких-либо явлений (следствий) и служащее их объяснением" [3, с. 344]. Основание – это то, из чего необходимо объяснить существование явления, в данном случае правового. "Основание – это определяющее свойство явления, объясняющее, почему оно существует, детерминирующее все другие его необходимые стороны и связи" [4, с. 142-143].

Для каждого современного государства характерна своя определенная система социальных ценностей, иногда конституционно закрепленных, и обусловленная ею совокупность критериев и ориентиров, образующая основания для установления границ, пределов в реализации гражданами своих прав и свобод.

По мнению В.В. Лапаевой, проблема оснований и пределов ограничения основных прав и свобод человека и гражданина является "одной из центральных проблем новой доктрины действующего права" [5, с. 13].

Предпримем попытку разобраться в данной проблеме.

Конституция Российской Федерации содержит основания ограничения прав и свобод в ч. 3 ст. 55: "права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства". Многие ученые-правоведы видят в данном положении Конституции реализацию основного предназначения конституции любого государства – "ограничение государственного произвола" [6, с. 241].

Действительно, перечисление в приведенной выше статье Конституции Российской Федерации оснований ограничения прав и свобод человека и гражданина не могут быть использованы какие-либо иные основания кроме перечисленных.

Основания ограничений прав и свобод человека и гражданина находят конституционное выражение в установлении общих (генеральных) целей ограничения прав и свобод, имеющих базовое значение для правового регулирования.

Под целями принято понимать "предмет стремления, то, что надо, желательно осуществить" [2, с. 873]; "предвосхищение в сознании результата, на достижение которого направлены действия" [3, с. 534]. Другими словами, это то, ради чего совершаются определенные действия.

Цели ограничения прав и свобод закреплены практически во всех международно-правовых документах. Так, во Всеобщей декларации прав человека такими целями являются (п. 2 ст. 29): 1) обеспечение должного признания и уважения прав и свобод других людей; 2) удовлетворение справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе [7].

В Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. и Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г. указываются более детальные условия их применения. Согласно статье 4 первого из названных пактов, ограничения должны осуществляться с целью способствования общему благосостоянию, определяться законом и не могут противоречить природе ограничиваемых прав [8]; согласно целому ряду статей второго пакта (ст. ст. 12, 18, 19), если они необходимы для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения, а также прав и свобод других лиц [9].

В Европейской конвенции о правах человека 1950 г. можно заметить, что цели ограничений существенно расширены. Согласно это-

му документу, ограничения, кроме того, вводятся с целью поддержания государственной и общественной безопасности или экономического благосостояния страны; предотвращения беспорядков или преступлений; охраны здоровья или нравственности населения (ст. ст. 8-9); охраны территориальной целостности; защиты репутации других лиц; предотвращения разглашения конфиденциальной информации; поддержания авторитета и беспристрастности судебных органов (ст. 10) [10].

В российской правовой литературе цели ограничения права определяются также по-разному: сдерживание противозаконного деяния в целях защиты общественных отношений (А.В. Малько) [11, с. 91]; запрет всего общественно вредного, исключаящего злоупотребление свободой (В.А. Четвернин) [12, с. 30]; защита общества, прав и свобод (интересов) других лиц от произвола правопользователя (В.И. Гойман) [13, с. 26]; необходимость уважения прав и свобод других людей и нормальное функционирование общества и государства (В.В. Маклаков, Б.А. Страшун) [14, с. 133–134]; удовлетворение справедливых требований морали (В.М. Баранов) [13, с. 27].

Необходимо отметить, что некоторые ученые, анализируя цели и основания ограничения прав и свобод отождествляют эти понятия [15, с. 179; 12, с. 30]. Автор считает, что в данном случае эта точка зрения вполне уместна.

Подводя итог сказанному выше, можно разделить основания ограничения прав и свобод человека и гражданина на две группы:

- 1) защита прав и свобод человека и гражданина, то есть защита частных интересов;
- 2) защита интересов государства и общества (защита публичных интересов).

Как отмечает А.А. Подмарев, "жесткой, непроницаемой границы между интересами отдельного человека и государства нет, и иногда интересы государства, общества и личности в установлении отдельных ограничений совпадают. Например, ограничение свободы человека в связи с предполагаемым совершением им уголовного преступления отвечает как интересам отдельной личности (потерпевшего),

так и интересам государства (раскрытие преступления без помех со стороны подозреваемого)" [16, с. 44].

Допустимость законодательного ограничения реализации прав и свобод человека и гражданина имеет свои содержательные границы, за пределами которых ограничение утрачивает свое назначение.

Правомерно в этой связи возникает вопрос о пределах ограничения прав и свобод, под которыми следует понимать совокупность сложившихся на основе существующих в обществе социальных ценностей критериев и ориентиров, очерчивающих границы пользования гражданами своими конституционными правами и свободами, а также осуществления в пределах Конституции и законов органами государственной власти и органами местного самоуправления принадлежащих им полномочий.

Основные права и свободы человека и гражданина, за исключением прав и свобод, указанных в Конституции, могут быть ограничены федеральным законом в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Кроме того, отдельные ограничения прав и свобод, причем с указанием пределов срока их действия, могут быть установлены федеральным конституционным законом в условиях чрезвычайного и военного положений для обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя. Эти положения соответствуют общепризнанным принципам и нормам международного права.

Поэтому, характеризуя основания для возможного ограничения прав и свобод человека, нельзя не согласиться с Е.А. Лукашевой, которая совершенно справедливо указывает, что одним из условий применения ограничений является то, что права могут быть ограничены только в той мере, в какой это необходимо [17, с. 102–103].

Однако, как следует из дальнейших рассуждений Е.А. Лукашевой, оба эти условия доста-

точно сомнительны [17, с. 103-105]. Вслед за Е.А. Лукашевой, М.В. Баглай отмечает, что "оба эти условия также вызывают вопросы. Во-первых, почему в столь важном деле, как ограничение конституционных прав и свобод, законодатель не прибегнул к авторитету федерального конституционного закона, который, казалось бы, является более уместным для данного случая? Во-вторых, упоминание о "мере, в какой это необходимо" порождает беспокойство в связи с возможностью слишком широкого толкования этого условия, что при определенном стечении обстоятельств (например, массовом психозе) может послужить основой для произвола [15, с. 180].

Конституционным Судом Российской Федерации, в свою очередь, было сформулировано мнение относительно ограничений прав и свобод, в котором речь идет только об основаниях и целях ограничений. Согласно этому мнению:

- ограничения прав допустимы в строго определенных статьей 55 (ч. 3) Конституции Российской Федерации целях. Эти ограничения не могут толковаться расширительно и не должны приводить к умалению других гражданских, политических и иных прав, гарантированных гражданам Конституцией и законами Российской Федерации;

- цели ограничения прав и свобод должны быть не только юридически, но и социально оправданы, а сами ограничения – им адекватны. При этом такие ограничения должны отвечать требованиям справедливости [18].

Из данных положений, создается впечатление, будто текст Конституции Российской Федерации не содержит каких-либо указаний о возможных пределах ограничений основных прав, и, следовательно, законодатель может ограничить эти права в любом объеме, или, по выражению В.В. Лапаевой, "выхолостить их содержание" [5, с. 16]. А Конституционный Суд восполняет своими решениями пробелы в Конституции Российской Федерации. Между тем это не так. В данном случае Конституционный Суд, оценивая вводимые федеральным

законом ограничения основных прав и свобод с точки зрения соблюдения принципа соразмерности (пропорциональности) и сохранения основного содержания конституционных норм, лишь раскрывает смысл соответствующих положений Конституции. Что касается принципа соразмерности, то он, как известно, закреплен в ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации.

Таким образом, следует признать, что Конституция Российской Федерации в ч. 3 ст. 55 впервые установила универсальный принцип, согласно которому права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены только законом и только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Широкого толкования положения "только в той мере" допущено быть не может, поскольку нормирующим пределом выступают ч. 1 и ч. 2 этой же статьи Конституции. Первая из них гласит, что "перечисление в Конституции Российской Федерации основных прав и свобод не должно толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина". А вторая – что "в Российской Федерации не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина".

Однако раз в столь важном вопросе, каковым является вопрос об определении пределов возможных ограничений прав и свобод человека и гражданина, имеются расхождения ученых во мнениях, кроме того, имеют место некорректные формулировки статей Основного Закона, автору представляется необходимой выработка российскими правоведом единой концепции по вопросу оснований и пределов ограничений прав и свобод человека и гражданина и принятия положений данной концепции в качестве основополагающих, вплоть до внесения их при необходимости в Конституцию Российской Федерации в качестве поправок.

Список литературы

1. Гошуляк В.В. Пределы ограничения права собственности в конституционном праве России // Закон. – 2004. – № 3. – С. 97–101.
2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
3. Философский словарь; под ред. И.Т. Фролова. – М.: Политиздат, 1986. – 590 с.
4. Билялов А.К. Об определении категории "основа" и "обоснованное" // Философские науки. – 1976. – № 5. – С. 142–143.
5. Лапаева В.В. Проблема ограничения прав и свобод человека и гражданина в Конституции РФ (опыт доктринального осмысления) // Журнал российского права. – 2005. – № 7. – С. 13–23.
6. Шайо А. Самоограничение власти (краткий курс конституционализма); пер. с венг. – М.: Юристъ, 2001. – 292 с.
7. Всеобщая декларация прав человека: принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года // Российская газета. – 1995. – 5 апреля.
8. Об экономических, социальных и культурных правах: Международный пакт от 16 декабря 1966 года // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 1994. – № 12.
9. О гражданских и политических правах: Международный пакт от 16 декабря 1966 года // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 1994. – № 12.
10. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (ETS № 5) от 4 ноября 1950 года // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1998. – № 20. – Ст. 2143.
11. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. – М.: Юристъ, 2004. – 250 с.
12. Конституция Российской Федерации: проблемный комментарий; отв. ред. В.А. Четвернин. – М.: Центр конституционных исследований Московского общественного научного фонда, 1997. – 702 с.
13. Принципы, пределы, основания ограничения прав и свобод человека по российскому законодательству и международному праву: мат-лы "круглого стола" журнала "Государство и право" // Государство и право. – 1998. – № 7. – С. 20–42.
14. Конституционное (государственное) право зарубежных стран: учебник для вузов. В 4 т. Т. 1 – 2. Часть общая: учебник; отв. ред. Б.А. Страшун. – М.: БЕК, 2000. – 784 с.
15. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации: учебник для вузов. – М.: Норма, 2005. – 784 с.
16. Подмарев А.А. Конституционные основы ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2001.
17. Лукашева Е.А. Правовой статус человека и гражданина // Права человека: учебник для вузов; отв. ред. Е.А. Лукашева. – М.: НОРМА-ИНФРА-М, 1999. – 573 с.
18. По делу о проверке конституционности ряда положений пункта "а" статьи 64 Уголовного кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.А. Смирнова: Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 декабря 1995 года // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 1. – Ст. 54.

В редакцию материал поступил 07.07.08.